

Б. Тезисы докладов

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ КАК МЕТОД ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ПОДЛИННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ

Архангельская А.С.

г. Симферополь. Украина

Для нас несомненна плодотворность методологии трансдисциплинарности в поиске нетрадиционных путей исследования проблемы генезиса ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ и разгадке «шифра молчания» подлинной, а не мнимой ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ. Термин «шифр молчания» вернее, – метафора, принадлежит врачующей философии Карла Ясперса и его применение у автора звучало скорее не по светскому, а по религиозному поводу. Проблеме соотношения светского и религиозного миров в творческой судьбе, стиле жизни и стиле мышления Владимира Соловьёва был посвящён небольшой опыт нашего исследования в «Учёных записках ТНУ» за 2004 г. Соотношение, взаимодействие и взаимодополнительность этих двух миров интересуют нас давно в «букете» их аксиологических аспектов, а, следовательно, прежде всего в этическом ключе, если не забывать, что этика – душа аксиологии. А проблема генезиса интеллигентности, тем более – феномен подлинной интеллигентности требует от исследователей особой широты кругозора – по определению. И способности искать и находить нетрадиционные, нестандартные подходы или хотя бы пытаться преодолевать силу инерции, идущую от предшественников.

Если рассматривать по инерции традиционных сфер «влияния», то оказывается, что на эту проблему более всего претендуют исследователи социальной структуры общества, историки, социологи, политологи, профессора и доценты университетских кафедр социальной философии и разумеется, публицисты. Если же копнуть немного глубже, то оказывается, что тайна (или - «шифр молчания») многозначности феномена ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ – на взаимокасания. ОНТОЛОГИИ, ГНОСЕОЛОГИИ, ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ и, разумеется, АКСИОЛОГИИ. Особое место в этом ряду не может не занимать история мировых религий вообще, а история отечественной религиозной философии – в особенности. Мы имеем в виду не только тексты книг, статей, стихотворений, речей (Вл.Соловьёва, например памяти Достоевского), или рецензий. Но для понимания и дальнейшего исследования феномена интеллигентности (но не современных интеллектуалов, как отечественных, так и западных, коим Солженицыным дано имя – «образованцы»), а для накопления опыта постижения «тайны» феномена подлинной интеллигентности нам важны и сами личности авторов. Стиль жизни в соотношении со стилем мышления. Как известно, вхождение т.н. биографизма в проблемное поле не только философии ценностей, но и истории философии (работы одесской и ростовской философских школ), позволяет нам считать и оправданным и плодотворным обращение к сопоставлению мира отечественной религиозной философии и светского мира. Разве блистательная плеяда наших соотечественников, ставших эмигрантами, – БЕРДЯЕВ, ШЕСТОВ, ФРАНК, ЛОССКИЙ, ИЛЬИН, и, наконец, СЕРГЕЙ БУЛГАКОВ, ФЕДОТОВ, ФЛОРОВСКИЙ, НОВГОРОДЦЕВ – не являлись подлинными интеллигентами?! Но их жизнь, вернее – жизнедеятельность, их пристрастия, их характеры, их разочарования и, наконец, их ностальгия, наша национальная болезнь, остаются бесценным материалом, так и недо-восстребованным до сих пор. Поистине, вот вам ещё одно свидетельство в пользу взаимокасаний (интертач) и необходимости применения методологии трансдисциплинарности.

Предложим краткий перечень некоторых аспектов взаимокасаний:

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ аспект: проблема формирования или - точнее становления БЫТИЯ духовных интересов личности. В своей последней книге «Метаморфозы бытия и небытия» М.С.Каган обращает наше внимание именно на этом аспекте: «духовное есть плод деятельности психики, даже тогда, когда формой его выражения, его» языком» являются движения человеческого тела». Каган критикует современную психологическую науку, которая до сих пор испытывает влияние позитивизма. И подчёркивает, что это отсутствие интереса и даже игнорирование психологами проблемы ДУХОВНОСТИ приводит к тому, что они вообще считают её проблемой НЕ психологической, «а этической, теологической, эстетической, философской».¹ Но об этом трудно развернуть аргументацию в рамках тезисов, мы попытаемся сделать это в докладе или в статье. А теперь совсем кратко – о гносеологическом и психологическом аспектах постижения смысла подлинной интеллигентности. **ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ:** проблема становления и развития способности к РЕФЛЕКСИИ: самосознания, самопознания, самоанализу.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ: проблема выработки и обретения личностью адекватной САМООЦЕНКИ, а следовательно, и способности к критической самооценке, которая может поднять вас до САМОИРОНИИ. Но самоирония – дар небес, как и талантливость, незаурядность, нестандартность мышления. ЗДЕСЬ уже аура философичности, которая от Сократа достаётся столь немногим... По-видимому, следует добавить, что особое место истинных философов, как и феномена подлинной интеллигентности в истории человеческой культуры как правило, совпадают. Как совпали они в судьбе и творчестве ГЕОРГИЯ ГАЧЕВА.² К нашей теме о плодотворности трансдисциплинарных подходов (осознавая горечь утраты в связи с трагическим уходом давно чтимого автора прекрасных книг), уместно будет отметить, что «главное его открытие – жанр «жизнемыслей» философского дневника, в котором смело соединяется научная реф-

¹ См. там же: «эмоциональные реакции превращаются в духовные чувства...» стр. М.Каган. Метаморфозы бытия и небытия., Спб., 2006

² См. Л. Латынин. Памяти Георгия Гачева–дервиша русской Философии. Газета «Взгляд», 24 03 2008, Интернет.

лекция с шокирующей исповедальностью». Как раз органичная взаимосвязь образа и стиля жизни и идентичность их стилю текстов Георгия Гачева, одного из самых своеобразных философов – наших современников, ещё раз подтверждают гегелевскую мысль о том, что ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ – есть причина конечная всех вещей CAUSA FINALIS.

МИССИЯ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

Баранец С.Н.

г. Санкт-Петербург. Россия

Современная миссия интеллектуала, как и всегда – в умственном обеспечении расширенного воспроизводства общественных порядков и отношений. Следование стандартам качества в обществе, к сожалению, невозможно, хотя уже удается вырабатывать и даже применять относительно универсальные технологические схемы, связанные с возможностью рекомпозиции элементов общественной жизни ради приспособления общественного организма к функционированию в предлагаемых или обнаруженных исторических условиях. Пример России здесь не вполне показателен, поскольку она, как и всегда, представляет собой гремучую смесь типичности и уникальности, из которой рождаются странные, (если не сказать экзотические) особенности российского национального развития. Одна из них в том, что наиболее мощным субъектом и провокатором изменений является именно государство, в котором периодически возникает (выпестывается?) когорта относительно либеральных, интеллектуально и нравственно нагруженных чиновников (ответственных, функционеров, случайно уцелевших квалифицированных исполнителей), предлагающих обществу путь-дорогу к хорошей жизни со счастливым концом.

Трудно сказать, кто более других ответственен за то, что творческий элемент оказывается в российской государственной машине неистребимым, но бывают моменты, когда руководство нашей страны охватывает административная эйфория, а то и административный кураж, когда кажется, что до Царства Божия на земле можно достать рукой. Только один раз за одиннадцатилетний цикл Чижевского влюбленным в будущее реформаторам действительно всё удается, но расхлебывать результаты этой удачи потом приходится всем. Ритмика общественных преобразований, к сожалению, носит непериодический характер, ее трудно предсказать, но ее можно узнать по симптомам. Одна из задач интеллектуала в современном российском мире как раз и заключается в том, чтобы исполнять функцию сторожа «над пропастью во ржи», - дабы общество в ответ на очередную провокацию власти не свернуло себе шею, а власть в своем импульсном реагировании на общественные позывы не оказывалась опять и снова, еще и еще раз, в интересном положении.

В обществе совмещенных проекций и наложенных укладов, в обществе, где относительно мирно сосуществуют противоположные по интенциям социальные системы и представляющие их субъекты и институты, в обществе, где аффицированная лексика отражает соответствующее устройство сознания, роль интеллекта и его обладателя многократно возрастает. Однако она состоит вовсе не в полагании целей или создании условия для рационального выбора – этим занимается власть, партии, гражданское общество и отдельные особо активные субъекты исторического процесса. Великие пассионарные усилия всего лишь тянут Россию по предназначенной колее – с этим модным ныне выводом нелегко спорить, но, тем не менее, невозможно согласиться. Если всякая культура суть фабрика по производству смыслов и инструментальный набор для их имплементации в реальность, то интеллектуал не может быть ни миссионером, ни миссионером, ни адептом некой доктрины, его суть быть субстанцией для особого набора атрибутов, применение которых не позволяет отчаянию и страху затопить общественное и индивидуальное сознание. В интеллектуале с интеллигентскими замашками (а в России другие не интересны никому) не могут не уживаться терапевт, акушер и терминатор, и эти ипостаси практически ориентированного рационализма вовсе не исключают, а предполагают владение иными способами общения со всеми реальностями, которые только могут встретиться на жизненном пути разумно вразумленного человеческого существа.

Есть и еще одно обстоятельство, которое никак нельзя обойти, обсуждая предьявленную тему. В премногом знании, конечно, скрыто немало того, что не может не вызывать печаль, однако утверждать на этом основании, что всякое вмешательство в естественные процессы есть порча будет и логической, и эмоциональной натяжкой. Тот, кто умеет думать, чей мыслительный механизм связан с актами познания и самопознания, для кого жизненный путь сопряжен с активным духовно-соматическим самосовершенствованием, выглядел бы нравственным уродом, если бы, зная, что, как и почему, не искал ответа на вопрос «для чего». Уход от ответа на этот вопрос посредством дискурса или какой-то из практик, примененной по конкретным правилам к конкретному случаю, не может не вызывать потребность к постройке научно организованной теории и к поискам теоретической же, но доступной пониманию формы аргументации. Именно в этом месте обнаруживается напряженность, которую нельзя преодолеть иначе, как только выходом в социальный контекст происходящих событий, тем или иным действием во всякой востребующей действия человеческой ситуации. С этим самым, с действием, у всякого нагруженного интеллектом и моральными принципами всегда «напряженка»: жажда душевного покоя нередко оказывается сильнее требований категорического императива. Преодоление себя, ограничение себя в рефлексивном усилии ради жизненной интенции – не менее сложная задача, чем, к примеру, оттачивание остроты мировосприятия и способов его манифестации миру и людям. На этой дороге успех от поражения и в самом деле отличить крайне сложно, если вообще возможно в принципе. Ограничения практики как критериального ориентира истинностного познания, конечно, многое могут оправдать, но как тогда любить и надеяться на счастье морально существу, внутри которого есть не только чувствилище, но и думатель? И стоит ли вообще искать эту надежду